

Романова Анна Петровна, Ермуханова Нагима Аблихатовна

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ НА ЭТАПЕ РАННЕГО ФРОНТИРА НА КАВКАЗЕ

Статья посвящена анализу специфики межкультурных коммуникаций на этапе раннего фронта на Кавказе. Авторами обозначены три вектора этого процесса. Первый связан с теми коммуникациями, которые формируют некое межкультурное сообщество, основанное на взаимной выгоде и взаимопомощи. Эти межкультурные коммуникации сопровождаются религиозной, вестиментарной и алиментарной трансгрессией. В русле второго вектора межкультурные коммуникации характеризуются внутрикультурными конфликтами по обеим сторонам фронта. Третий вектор - начало жестких межкультурных конфликтов, обозначающих переход к новому этапу, собственно фронтиру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 172-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Баканов С. А. Угольная промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 57-61.
2. Воейков Е. В. «Торфяные пятилетки» в Поволжье – забытая страница истории 1930-х годов // Российская история. 2010. № 2. С. 43-52.
3. Клименко К. Уральский промышленный район. М.: Госпланиздат, 1945. 68 с.
4. Правда. 1942. 24 августа.
5. Родионов Н. А. Вопросы использования трудовых ресурсов Мордовской АССР в торфодобывающей промышленности Удмуртской Республики (1940-1960-е годы) // Экономическая история. 2012. № 2 (17). С. 53-64.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2.
7. Ряховский В. Накануне торфяного сезона // Удмуртская правда. 1944. 12 апреля.
8. Ряховский В. Работали на победу // Удмуртская правда. 1984. 26 декабря.
9. Тетерина Е. В годы войны // Удмуртская правда. 1944. 5 ноября.
10. Удмуртская правда. 1943. 18 мая.
11. Удмуртская правда. 1944. 14 июня.
12. Урал – фронту. М.: Экономика, 1985. 344 с.
13. Ферсман А. Е. Урал – сокровищница Советского Союза. М.: Профиздат, 1942. 60 с.
14. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-551. Оп. 1.
15. ЦГА УР. Ф. Р-1081. Оп. 1.
16. ЦГА УР. Ф. Р-1087. Оп. 1.
17. ЦГА УР. Ф. Р-1112. Оп. 1.
18. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 498. Оп. 1.
19. Я желаю счастья вам // Пенсионер (Екатеринбург). 2008. 6 октября.

MOBILIZATION OF PEAT RESOURCES OF URAL FOR THE NEEDS OF WAR PRODUCTION (1941-1945)

Rodionov Nikolai Anatol'evich, Ph. D. in History

*Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
tamakpi@rambler.ru*

The article by the materials of Ural analyzes the historical experience of using peat fuel resources in regional economy under war conditions. The author pays special attention to identifying the importance and place of peat in fuel balance, in satisfying the industrial demands of defense enterprises. The paper examines the problems of the replenishment of industry with labour resources, shows the contribution of peat cutters into the strengthening of the fuel basis of war production.

Key words and phrases: war; economy of Ural; war production; fuel; peat industry; peat cutters; forced labour.

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена анализу специфики межкультурных коммуникаций на этапе раннего фронта на Кавказе. Авторами обозначены три вектора этого процесса. Первый связан с теми коммуникациями, которые формируют некое межкультурное сообщество, основанное на взаимной выгоде и взаимопомощи. Эти межкультурные коммуникации сопровождаются религиозной, вестиментарной и алиментарной трансгрессией. В русле второго вектора межкультурные коммуникации характеризуются внутрикультурными конфликтами по обеим сторонам фронта. Третий вектор – начало жестких межкультурных конфликтов, обозначающих переход к новому этапу, собственно фронту.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; фронт; Кавказ; трансгрессия; гетеротопия.

Романова Анна Петровна, д. филос. н., профессор

Ермуханова Нагима Аблехатовна

*Астраханский государственный университет
agotanova_mail@mail.ru*МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ НА ЭТАПЕ РАННЕГО ФРОНТА НА КАВКАЗЕ[©]

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-03-00414
«Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».*

Понятие фронта для анализа социальных и исторических процессов, происходящих в российском социуме, стало активно использоваться в последние десятилетия. Однако единой типологии и периодизации фронта

в мировой науке в принципе не существует и для анализа отдельных региональных фронтиров, например, сибирского, дальневосточного и т.д. используется своя типология и периодизация. Для исследования Кавказа мы как базовую используем типологию О. С. Якушковой, которая положила в ее основу характер коммуникационных процессов, происходящих на территориях фронта. На основе исследования американского материала, она выделяет три разных этапа фронта: ранний фронт, собственно фронт и постфронт, каждый из которых характеризуется своим типом культурного диалога [12, с. 194]. Хотя ранее в одной из работ мы внесли в эту типологию некоторые коррективы и дополнения [11], однако они не касаются тематики данной статьи и для решения наших исследовательских задач предложенной типологии вполне достаточно.

Вопрос о том, можно ли к исследованию Кавказа подходить с позиции фронтальной методологии, стал подниматься недавно. Причем не все исследователи считают ее применимой именно к Кавказу [10]. Однако даже те, кто исследует Кавказ как фронт, связывают его возникновение с концом XVIII века, с появлением Азово-Моздокской укрепленной линии (1777 г.) [8, с. 11]. Однако, с нашей точки зрения, как фронт, этот процесс на Кавказе начинается гораздо раньше, с середины XVI века, и мы вполне можем идентифицировать его как «этап раннего фронта».

На этапе раннего фронта возникают первые слабые межкультурные контакты, в условиях, когда пришедшее население количественно значительно меньше аборигенного и вынужденно во многом считаться с ним и уподобляться ему для элементарного выживания [9]. В этот момент образ человека по другую сторону фронта, для Америки это индеец, амбивалентен: «враг / союзник» [12, с. 65]. Причем на данном этапе, образ врага не является доминантным, а контакты – конфронтационными. Они носят хаотичный характер и представляют собой чаще всего взаимовыгодный обмен.

В работах «отца» концепции фронта Ф. Дж. Тернера, диффузно содержится ряд признаков фронта, многие из которых можно отнести и к раннему этапу кавказского фронта: окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д. [13].

Ранее мы уже показали, что можем применять термин «ранний фронт» к исследованию Кавказа XVI-XVII вв. [7]. Теперь нашей задачей является анализ специфики межкультурных коммуникаций на кавказском фронте этого периода.

Первыми «фронтмэнами» Кавказа можно считать новгородских ушкуйников и выходцев из Рязанского княжества, казаков Червленого Яра, бежавших оттуда после присоединения Рязани к Москве [6, с. 12]. В «Хрониках гвардейских казачьих частей», помещенных в книге Императорской гвардии, даже указывается дата этого побега – 1520 г. Именно из числа беглецов и начинает формироваться гребенское и терское казачество [2, с. 171].

Трудно сказать, то ли фронтность территории уже тогда определяет подвижность, реверсивность траектории перемещения казачьих отрядов, или, наоборот, образ жизни казаков формирует эту территорию как фронтную. «Вероятнее всего, пишет С. А. Козлов, – подвижные, курсировавшие (курсив авторов – А. Р., Н. Е.) по всему терско-сунженскому бассейну казачьи сообщества почти параллельно осваивали как устье и низовье Терека, так и гребни Терского хребта, и далее правобережье Сунжи. И продвигались казаки от терского устья все дальше вглубь за междуречье Терека и Сунжи» [3, с. 13]. Потто считал, что гребенское казачество сложилось, когда после падения Казани и Астрахани пятигорские и кабардинские черкесы приняли русское подданство [5, с. 17].

Тот факт, что далеко не все черкесы и кабардинцы приняли сторону России, часть из них осталась приверженцами Крыма и Порты [Там же, с. 18], во многом усложнил и без того непростые межкультурные фронтные отношения. Начинаются распри между самими кавказскими родами внутри одной этнической группы.

На этапе раннего фронта можно выделить три вектора межкультурных коммуникаций. Мы понимаем, что на данном этапе фронтные границы еще не обозначены. Для раннего фронта вообще в большей степени характерна реверсивность, возвратность, изломанность линий, подвижность, отступления, непрочность и зыбкость, нежели для последующих этапов.

Поэтому первый вектор как раз связан с теми коммуникациями, которые формируют некое межкультурное сообщество, основанное на взаимной выгоде и взаимопомощи. Эти коммуникации чаще всего размыывают и без того условную линию фронта, поскольку они происходят между этносами с разных сторон фронта. На фронте появлялись такие гетеротопные места, «убежища», как Тюменское владение. «Сюда сбегались кабардинцы, чеченцы, кумыки, большие и малые ногаи, даже грузины, армяне закубанские, черкесы – все кому тесно было жить на родине, кого преследовали сами общества как нарушителей законов и обычаев страны. Все это были люди того же пошиба, что и русские вольные казаки, а потому последние легко с ними дружились и уживались» [Там же, с. 21].

В постоянно возникающих и разрушаемых, переносимых с места на место крепостях еще достаточно многочисленными гребенскими казаками «вступали в тесные дружественные отношения с соседними горскими народами» [4, с. 24], жили «во вполне дружеских отношениях со многими кумыкскими и кабардинскими князьями» [1, с. 27]. Они оказывали кавказским народам посильную военную и хозяйственную помощь и поддержку, вели с ними меховую торговлю [4, с. 24].

В русле этого вектора межкультурные коммуникации пока еще не носят явного конфронтационного характера по принципу Свой-Чужой-Враг. Даже такой маркер, как религиозная принадлежность, не является еще «яблоком раздора», поскольку имеет место конфессиональная и этническая трансгрессия. Так какой-нибудь

джигит Гассан похищал в соседнем ауле Фатьму, привозил ее ночью в один из гребенских городков, где утром они превращались в Ивана да Марью [5, с. 22], т.е. имела место этническая и религиозная трансгрессия. Но, живя бок о бок с кавказскими народами, и сами гребенские казаки настолько знали местные обычаи и нравы, что их использовали как толмачей [Там же, с. 66]. В силу использования ими атрибутов вестиментарной культуры горцев, их часто смешивали с кабардинцами [Там же, с. 25]. Даже раскольничий старец Пафнутий воевал в кабардинском платье верхом на коне [Там же, с. 93].

Существовал и еще более упрощенный вариант формирования «мультикультурного» общества, как у терских казаков, когда никто не спрашивал беглецов, какого они рода – племени, и православные уживались с мусульманами, католиками и идолопоклонниками [Там же, с. 22]. Полная веротерпимость была и в Терках, где было много инородцев: кумыков, черкесов, чеченцев, как мусульман, так и новокрещенных. Однако, несмотря на веротерпимость, «новокрещенные селись особой слободкой» [Там же, с. 38].

Однако нельзя представлять себе межкультурные коммуникации на раннем кавказском фронтире как некое «фронтирное братство». Вторым вектором, осложнявшим мирные отношения, были распри внутри фронтирных сторон. Мы уже упоминали выше противостояние кабардинских и черкесских родов, присоединившихся к России или смотревших в сторону Крыма и Порты. При попустительстве воевод казаки грабили «своих», находившихся с ними в единой фронтирной «связке»: донцы – нагайцев в походе при разгроме Казыевских улусов, нападали на союзника мирного Мирзу Иштерека, гребенцы делали набеги на Менгрелию [Там же, с. 69]. Князь Дмитрий Иванович Молостов, поборник старой Руси, вредя реформам Петра I, натравливал горские народы на казаков [Там же, с. 102]. А сами казаки-раскольники, когда к концу XVII в. религиозные послабления пошли на убыль, а религиозная конфронтация выросла в вооруженные конфликты, искали и находили убежище у кавказских народов, в определенной мере в силу их законов гостеприимства, но и в силу их желания противопоставить себя официальной Руси. Кумские раскольники нашли поддержку в лице князя кабардинского Муртазали Мисостова, им так же активно предложил поддержку Тарковский шамхал Будаи-хан. Князь Мисостов использовал их для нападения на казаков Терков, закончившееся неудачей. Опасаясь мщения гребенских и терских казаков, в 1689 г. раскольничий отряд в 150 казаков во главе с Левкой Маныцким ушел в шамхальские владения Будаи-хана [Там же, с. 24]. Пока еще фактор диспозиции по определенную сторону фронта уступает место ситуативной необходимости.

Третий вектор коммуникаций, конфронтационный, начинает формироваться в русле второго. В связи с достаточно вольным отношением к союзникам, с одной стороны, и все большим контролем государства – с другой, начинают более четко обозначаться фронтирные акторы. Когда во второй половине XVII века калмыцкий хан Аюка напал на чеченские поселения, гребенцы самоустраились и не защитили чеченцев. После того как, то ли в результате активных действий горцев, то ли в силу кочевой природы калмыцкого социума, калмыки ушли с чеченских территорий, последние перешли от краж к разбою и пленению женщин и детей. В 80-х годах казаки перенесли свои городки с гребней на правый берег Терека [Там же, с. 27]. В 1712 г. появляется первая терская кордонная линия (станции Червлёная, Щедринская, Новогладковская (Гребенская), Старогладковская, Курдюковская), которая позднее превратится в Кавказскую линию в конце XVIII в. С этого момента можно говорить о начале нового этапа фронта, когда межкультурные отношения входят в стадию острого конфликта.

Итак, мы видим, что на этапе раннего фронта все три вектора, которые мы прослеживаем выше, существуют в достаточно сложной пространственной и временной взаимосвязи. В связи с этим было бы не совсем корректно рассматривать эти векторы межкультурных коммуникаций как четкие и последовательные временные периоды перехода от межкультурной интеграции, усиленной трансгрессивными характеристиками, к стадии конфликта, поскольку конфликтные ситуации имели место параллельно с ситуациями взаимопомощи и взаимодействия. Границы контакта были подвижными, что создавало своеобразное гетеротопное пространство «между Своими и Чужими», в котором взаимоотношение сторон могло принимать любые конфигурации, вплоть до интеграции с Чужими против Своих. Хотя, надо заметить, что позиция Свой-Чужой для фронта тоже весьма условна. И хотя доминантой этого периода является вектор интегративной межкультурной коммуникации, по мере возрастания фактора государственного присутствия России на фронтирной территории он начинает уступать место вектору конфликтного фронтирного позиционирования, переросшего в затяжную Кавказскую войну.

Список литературы

1. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими 1720-1860 гг. М., 2011. 490 с.
2. **Казацьи войска:** справочная книжка Императорской Главной квартиры. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1912. 496 с.
3. **Козлов С. А.** Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.). СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. 263 с.
4. **Попко И. Д.** Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1. 516 с.
5. **Потто В. А.** Два века терского казачества (1577-1801): в 2-х т. Владикавказ: Электронпечатня Типография Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. 378 с.
6. **Потто В. А.** Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1. 688 с.
7. **Романова А. П., Топчиев М. С.** Кавказ как вечный фронт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 287-294.
8. **Урушадзе А. Т.** Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Ростов н/Д, 2011. 32 с.

9. **Фостер У. З.** Очерк политической истории Америки. М., 1953. 584 с.
10. **Шеуджен Э. А.** Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2006. Вып. 5. С. 3-15.
11. **Якушенков С. Н., Романова А. П.** Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. Вып. 2 (9). С. 74-80.
12. **Якушенкова О. С.** Женщина на американском фронтире. Астрахань: Изд-во Сорокина, 2012. 220 с.
13. **Turner F. J.** The Frontier in American History. N. Y.: Courier Dover Publications, 1996. 348 p.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATIONS IN THE PERIOD OF EARLY FRONTIER IN THE CAUCASUS

Romanova Anna Petrovna, Doctor in Philosophy, Professor
Ermukhanova Nagima Ablikhatovna
Astrakhan State University
aromanova_mail@mail.ru

The article is devoted to analyzing the specifics of cross-cultural communications in the period of early frontier in the Caucasus. The authors identify three vectors of this process. The first one is associated with communications, which form a certain cross-cultural community based on mutual advantage and assistance. These cross-cultural communications are accompanied with religious, vestimentary and alimentary transgression. Within the framework of the second vector cross-cultural communications are characterized by internal cultural conflicts astride the frontier. The third vector is the beginning of severe cross-cultural conflicts signifying transition to a new stage, frontier proper.

Key words and phrases: cross-cultural communication; frontier; the Caucasus; transgression; heterotopia.

УДК 39=511.152

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются этические и моральные принципы в семейных взаимоотношениях мордвы, сохранение духовных, культурных ценностей и передача их подрастающему поколению. Использование этнографического и фольклорного материала позволило выявить особенности развития родственных отношений в традиционной мордовской семье. В качестве средств передачи семейно-родовой культуры широко использовались различные формы, включая лучшие образцы народной словесности.

Ключевые слова и фразы: семья; культура; фольклор; традиция; обряд; народное творчество; семейная ячейка; межличностные отношения; социально-психологическая группа.

Салаева Мария Николаевна, к. филол. н., доцент

Салаева Татьяна Александровна

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
tatyna_salaeva@mail.ru

Тростина Марина Александровна, к. филол. н., доцент

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва
jindeeva@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ И МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МОРДОВСКОЙ СЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФОЛЬКЛОРА) ©

Работа проводилась при поддержке Минобрнауки РФ в рамках Программы стратегического развития «Педагогические кадры для инновационной России» (госзадание № 3).

Произведения устной поэзии, как памятники духовной культуры народа, отражают многосторонний жизненный опыт, взаимоотношения в семье, обществе и окружающей природе. Они веками вбирали в себя коллективную мудрость трудящихся и передавали младшим поколениям, активно пропагандируя высокие нравственные нормы и эстетические идеалы.

Целью нашей публикации является выявление особенностей становления и укрепления семейных, бытовых и межличностных отношений в среде мордовского этноса. Немаловажную роль в этом процессе играла система родства. Она концентрировала в себе основные родственные взаимосвязи, которые важны для жизни и деятельности народа. Данная система была индикатором взаимоотношений не только в семейно-родственном коллективе, но и в обществе. Благодаря строгой родственной иерархии определялся статус индивидуума среди множества людей, связанных друг с другом семейными узами. Закон домостроя предписывал